

НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

УДК 740

ДРУГ ИЛИ ИСТИНА? (к истории афоризма «Amicus Plato...» в античности)

© И. В. Макарова

Макарова
Ирина Владимировна
кандидат философских наук
доцент школы философии
Факультета гуманитарных
наук
Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»
e-mail: ivmakarova@hse.ru

Статья посвящена истории самого известного философского афоризма «*Plato amicus sed magis amica veritas*» («Платон друг, но истина дороже»). Рассматриваются обстоятельства возникновения этого афоризма и его судьба в позднеантичный период, связанная с комментаторской деятельностью философов-неоплатоников. Факт однократного упоминания о приоритете истины перед человеком в «Никомаховой этике» уже в Античности вызывал сомнения в причастности Аристотеля к этому афоризму. В статье представлены две версии его происхождения: традиционная «аристотелевская», восходящая к трактату Аристотеля «Никомахова этика», и альтернативная, «платоновская», восходящая к ряду диалогов Платона («Государство», «Федон» и др.) и отстаиваемая неоплатониками. В статье также дается анализ аристотелевской и платоновской формулировок афоризма и указывается на различие исследовательских установок, стоящих за ними.

Ключевые слова: Платон, Аристотель, «учитель-ученик», друг, истина, «Государство», «Федон», «Никомахова этика».

1

Самый известный философский афоризм «Платон мне друг, но истина дороже» (в расхожей латинской версии: *Plato amicus sed magis amica veritas*) традиционно связывают с именем Аристотеля. Однако причастность Аристотеля к этим словам еще в древности у многих вызвала сомнения, сам афоризм неоднократно менял формулировку, имя главного героя, и вообще не был особенно известен. Широкое

употребление афоризм получает только в XVI–XVII веках; к этому же времени складывается общее мнение, что за этими словами стоит парафраз фрагмента из аристотелевской «Никомаховой этики» (1096a11–17). Тем не менее, до сих пор среди исследователей поднимается вопрос, действительно ли Аристотель говорил что-то подобное, а если говорил, то насколько его высказывание оригинально, не является ли оно само подражанием более ранним высказываниям.

В упомянутом пассаже «Никомаховой этики», знаменитом своей критикой платоновского учения о благе и идеях, Аристотель говорит следующее: «Лучше все-таки, рассмотреть [благо] как общее [понятие] и задаться вопросом, в каком смысле о нем говорят, хотя именно такое изыскание вызывает неловкость, потому что идеи ввели близкие [нам] люди. И все-таки, наверное, лучше — во всяком случае, это [наш] долг — ради спасения истины отказаться даже от дорогого и близкого, особенно если мы философы. Ведь хотя и то и другое дорого, долг благочестия — истину чтить выше»¹. Аристотель не упоминает никаких имен, хотя содержание фразы однозначно подразумевает Платона. Примечательно, что ни в этом трактате Аристотеля, ни в других его текстах знакомая нам формулировка «Amicus Plato...» или иная, близкая ей, не появляется. Как правило, это обстоятельство вызывает сомнения в том, что данный афоризм берет начало именно из этого текста.

Интересно также, что даже при самом поверхностном чтении заметен почти дословный параллелизм с фрагментом из «Государства» Платона, где уже Гомер проигрывает состязание истине: «Придется это сказать, хотя какая-то любовь к Гомеру и уважение к нему, владеющие мною с детства, препятствуют мне говорить. Похоже, что он — первый наставник и вождь всех этих великолепных трагедийных поэтов. Однако нельзя ценить человека больше, чем истину, вот и приходится сказать то, что я говорю» («Государство», 595b9-c3)². В отличие от Аристотеля, у Платона можно найти не одну формулировку, в которую облакается все та же мысль о приоритете истины перед человеком, к претендующим на знание истины или же отождествляющим себя с ней. Например, в «Федре» Платон открыто говорит о неспособности поэтов познавать и адекватно транслировать истину и взваливает этот нелегкий груз на себя (247c2-6): «...ведь надо, наконец, осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине»³. В «Протагоре» тоже ясно сформулирован отказ от отождествления человека с истиной, а авторитет эпических поэтов вновь

¹ Το δὲ καθόλου βέλτιον ἴσως ἐπισκέψασθαι καὶ διαπορῆσαι πῶς λέγεται, καίπερ προσάντους τῆς τοιαύτης ζητήσεως γινομένης διὰ τὸ φίλους ἄνδρας εἰσαγαγεῖν τὰ εἶδη. δόξειε δ' ἂν ἴσως βέλτιον εἶναι καὶ δεῖν ἐπὶ σωτηρίᾳ γε τῆς (15) ἀληθείας καὶ τὰ οἰκεία ἀναρεῖν, ἄλλως τε καὶ φιλοσόφους ὄντας· ἀμφοῖν γὰρ ὄντοιιν φίλοιιν ὅσιον προτιμᾶν τὴν ἀλήθειαν (EN 1096a11-17 Bywater; пер. Н. В. Брагинской).

² Ῥητέον, ἦν δ' ἐγώ· καίτοι φιλία γέ τίς με καὶ αἰδώς ἐκ παιδός ἔχουσα περὶ Ὀμήρου ἀποκωλύει λέγειν. ἔοικε μὲν γὰρ τῶν καλῶν ἀπάντων τούτων τῶν τραγικῶν πρῶτος διδάσκαλός τε καὶ ἡγεμὼν γενέσθαι. ἀλλ' οὐ γὰρ πρό γε τῆς ἀληθείας τιμητέος ἀνήρ, ἀλλ', ὃ λέγω, ῤητέον (R. 595b9-c3 Burnet; пер. А. Н. Егунова).

³ τολμητέον γὰρ οὖν τό γε ἀληθές εἰπεῖν, ἄλλως τε καὶ περὶ ἀληθείας λέγοντα (Phdr. 247c4-6 Burnet; пер. А. Н. Егунова).

повержен: «Люди же образованные отказываются от таких бесед, общаются друг с другом собственными силами, своими, а не чужими словами испытывают друг друга и подвергаются испытанию. Подобным людям, кажется мне, должны больше подражать и мы с тобою и, отложивши поэтов в сторону, сами собственными нашими силами вести беседу друг с другом, проверяя истину, да и себя самих» (347e7-348a6)⁴.

По интенсивности и категоричности высказывания эти фрагменты даже ближе аристотелевской формулировке. Словоупотребление и построение фраз в приведенных фрагментах Платона и Аристотеля показывает, что, скорее всего, Аристотель намеренно подражает Платону и фактически возвращает ему то, что он говорил о Гомере в «Государстве». Все эти детали также позволяют усомниться если не в авторстве, то, по крайней мере, в оригинальности Аристотеля. От глаза читателя не может укрыться, что в аристотелевском пассаже присутствует и ирония, и желание продемонстрировать, что сам он не противоречит платоновской установке «ценить истину выше человека».

Конечно, в этой связи трудно уйти от вопроса, какими были отношения Платона и Аристотеля⁵. В нашем распоряжении имеются немногочисленные и сравнительно поздние свидетельства о том, что отношения эти якобы были неровными и напряженными, а поведение Аристотеля — часто неблагодарным и недостойным (см. рассказ Элиана о том, как Аристотель изгнал Платона с привычного места прогулки (III.19)⁶). Однако большинство этих свидетельств, представленных в анекдотах и преданиях, чья манера изложения, по словам Д. Диллона⁷, недалеко ушла от слухов и сплетен, очевидно, не лишены тенденциозности. И. Н. Мочалова отмечает, что реальными свидетельствами, как общались и относились друг другу учитель и ученик, мы не располагаем, а большинство имеющихся противоречивых «свидетельств» появляется намного позже «как результат осмысления текстов Аристотеля»⁸. Примечательно также, что в античной доксографии присутствовало одновременно две тенденции: противопоставление учений Платона и Аристотеля (с принижением одного или другого философа) и гармонизация учений обоих философов (в этом случае Аристотель выступает как самый талантливый и преданный ученик

⁴ ἀλλὰ τὰς μὲν τοιαύτας συνουσίας ἑῶσιν χαίρειν, αὐτοὶ δ' ἑαυτοῖς σύνεισιν δι' ἑαυτῶν, ἐν τοῖς ἑαυτῶν λόγοις πείραν ἀλλήλων λαμβάνοντες καὶ διδόντες. τοὺς τοιοῦτους μοι δοκεῖ χρῆναι μᾶλλον μιμεῖσθαι ἐμὲ τε καὶ σέ, καταθεμένους τοὺς ποιητὰς αὐτοὺς δι' ἡμῶν αὐτῶν πρὸς ἀλλήλους τοὺς λόγους ποιεῖσθαι, τῆς ἀληθείας καὶ ἡμῶν αὐτῶν πείραν λαμβάνοντας (Prt.347e7-348a6 Burnet; пер. Вл. С. Соловьева).

⁵ Анализ свидетельств об отношениях Платона и Аристотеля представлен у И. Дюринга. *Düring I. Aristotle in the ancient biographical tradition.* Göteborg, 1957. P. 315–336.

⁶ Элиан. Пестрые рассказы. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии Наук СССР, 1963.

⁷ Диллон Д. Наследники Платона. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 15–16.

⁸ Мочалова И. Н. Аристотелевское прочтение Платона или была у Платона неписаная философия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 3. С. 83.

⁹ Мочалова И. Н. Метафизика Ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля. СПб., 2000. С. 261, 262.

Платона)⁹. Единственное, что у нас имеется, это ремарки самого Аристотеля о «близких людях», тональность которых позволяет предположить, что при всем полемическом пафосе, присущем его критике, он остается верным учеником Платона, усвоившим его главный урок «истину чтить выше».

2

Следует отметить, что привычную нам формулировку «Платон мне друг, но истина дороже» нельзя найти в ни в одном античном тексте ни на греческом, ни на латинском языках¹⁰. Однако довольно часто на обоих языках, большей частью в неоплатонических комментариях на тексты Платона и Аристотеля этот афоризм встречается в различных, порой, неожиданных вариантах. Главным героем в них выступает не Платон, а Сократ, либо вообще некий безымянный муж. Имя Платона в этом афоризме появляется значительно позже и оно поначалу в некоторых вариациях афоризма соседствует с именем Сократа, а затем его вытесняет. Знакомая нам «каноническая» формулировка на латыни с именем Платона, по словам Г.-Г. Гадамера, появляется только в высоком Средневековье¹¹. Л. Таран отмечает ее известность уже в XV-XVI вв. и дальнейшее широкое распространение в XVII в., что связывает с огромной популярностью романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»¹². Гадамер и Таран полагают, что у этого латиноязычного афоризма, напрямую связываемого с «Никомаховой этикой», очень богатая история, которую оба исследователя связывают с апологетическими и гармонизирующими тенденциями позднего неоплатонизма. Л. Таран аккумулирует в своем исследовании основные варианты этого афоризма, где помимо общеизвестного варианта он указывает еще четыре (для удобства он приводит их на латыни)¹³:

1. *Amicus Plato sed magis amica veritas.*
2. *Amicus Socrates sed magis amica veritas.*
3. *Amicus Socrates, amicus Plato, sed prae honoranda veritas.*
4. *Et veritatem diligimus et Platonem, sed rectius est diligere veritatem.*
5. *Minime vero veritati praeferendus est vir.*

Кроме того, А. Герлак приводит из записной книжки И. Ньютона шестую версию — «*Amicus Plato amicus Aristoteles magis amica veritas*»¹⁴. Как видно,

⁹ Мочалова И. Н. Метафизика Ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля. С. 261, 262.

¹⁰ Gadamer H.-G. *Amicus Plato magis amica veritas* // *Griechische Philosophie* II. *Gesammelte Werke*. Bd. 6. Tübingen: Mohr Siebeck, 1985. S. 251–268. *Guerlac H. Amicus Plato and Other Friends* *Journal of the History of Ideas*, Vol. 39, No. 4 (Oct. - Dec., 1978). *Tarán L. «Amicus Plato sed magis amica veritas»*. From Plato and Aristotle to Cervantes // *Antike und Abendland*, Vol. 30, No. 2. Berlin, 1984. P. 93–124.

¹¹ Gadamer H.-G. *Op.cit.* S. 71.

¹² *Tarán Op. cit.* P. 95–97. В переписке Санчо Пансы с Дон Кихотом этот афоризм приведен в виде *amicus Plato magis amica veritas* (II, LI).

¹³ *Tarán Op.cit.* P. 97.

¹⁴ *Guerlac Op.cit.* P. 627.

общий смысл всех высказываний — приоритет истины перед любым иным авторитетом.

Изобилие представленных вариантов позволяет предположить, что пассаж из «Никомаховой этики» — вовсе не основа, но лишь одна из модификаций более общей и более ранней формулировки, в которой, словно элементы конструктора, время от времени меняются имена авторитетов (Сократа, Платона и даже самого Аристотеля). Примечательно, что ни Герлак, ни Таран не рассматривают прямую связь между упомянутыми фрагментами «Государства» и «Никомаховой этики» как очевидную. Таран показывает, что имя Гомера, появившись единожды в «Государстве», в позднейших вариантах афоризма не встречается. Это не случайное обстоятельство. Хотя Гомер и рассматривался как Учитель всех греков, а Платон, по молчаливому согласию в Античности, был его главным соперником, между ним и Платоном не было прямых отношений учителя и ученика, как между Платоном и Аристотелем или Сократом и Платоном¹⁵.

Если фрагменты из «Государства» и «Никомаховой этики» выносятся за скобки как вторичные, то что могло бы быть подлинным источником афоризма «Amicus Plato...»? Герлак и Таран сходятся в том, что основным претендентом является платоновский диалог «Федон», в котором имеется такое высказывание: «А вы послушайте меня и поменьше думайте о Сократе, но главным образом — об истине»¹⁶. Однако помимо «Федона», как уже было сказано, и в других диалогах Платона можно найти пассажи, которые могли бы стать основанием будущего афоризма. Близкое по смыслу высказывание можно найти и в «Пире»: «Нет, милый мой Агафон, ты не в силах спорить с истиной, а спорить с Сократом дело нехитрое»¹⁷. Далее, в «Софисте» Платон, отличая себя от тех, кто ищет бытие не в идеях, а в телах, говорит: «Мы заботимся не о них, но ищем лишь истину»¹⁸. В «Горгии» дается рекомендация, что делать, если приоритет невольно отдается человеку, а не истине: «если кто из вас решит, что я соглашаюсь сам с собою вопреки истине, пусть остановит меня и возражает»¹⁹. Наконец, в «Законах» содержится квинтэссенция платоновской позиции об истине: «...отказаться от утверждения того, что считаешь истинным, — для меня совсем неприемлемо»²⁰. Как видно, все эти высказывания очень близки и по смыслу, и по формулировке. Они свидетельствуют о неизменной позиции Платона об истине как высшей цели и ценности философского поиска, в соответствии с которой:

¹⁵ Tarán Op. cit. P. 96.

¹⁶ ὑμεῖς μέντοι, ἂν ἐμοὶ πείθησθε, σμικρὸν φροντίσαντες Σωκράτους, τῆς δὲ ἀληθείας πολὺ μᾶλλον (Phd 91b8-91c2 Burnet; пер. С. П. Маркиша).

¹⁷ Οὐ μὲν οὖν τῇ ἀληθείᾳ, φάναι, ὧ φιλούμενε Ἀγάθων, δύνασαι ἀντιλέγειν, ἐπεὶ Σωκράτει γε οὐδὲν χαλεπὸν (Smp. 201c8-9 Burnet; пер. С. К. Апта).

¹⁸ ἡμεῖς δὲ οὐ τούτων φροντίζομεν, ἀλλὰ τἀληθές ζητοῦμεν (Sph. 246d8,9 Burnet; пер. С. А. Ананьина).

¹⁹ ἔὰν δέ τω ὑμῶν μὴ τὰ ὄντα δοκῶ ὁμολογεῖν ἑμαυτῷ, χρὴ ἀντιλαμβάνεσθαι καὶ ἐλέγχειν (Grg. 506a1-3).

²⁰ Τοῦτοιιν τοίνυν τοῖν δυοῖν τὸ μὲν οὐκ ἀνεκτὸν ἐμοὶ πάντως που γίγνεσθαι, τὸ γε δὴ μὴ λέγειν, οὕτως οἰόμενον ἔχειν τἀληθές (Lg. 861D2-4 Burnet; пер. А. Н. Егунова).

- 1) думать/заботиться нужно не о Сократе/человеке, а об истине;
- 2) спорить можно с Сократом/человеком, но не с истиной;
- 3) от истины невозможно отказаться.

3

Предпочтение «Федону» было отдано с легкой руки неоплатоников. С одной стороны, в неоплатонической среде этот диалог играл особую роль: он воспринимался в протрепетическом ключе и являлся текстом, с которого, как правило, начиналось знакомство с платоновской философией. С другой стороны, с благословения Порфирия, преодолевшего показную неприязнь своего учителя Плотина к Аристотелю, неоплатонизм берет курс на освоение и адаптацию учения Аристотеля. О сознательной и последовательной «платонизации» Аристотеля, проводимой неоплатониками, подробно говорит И. Адо. Согласно Порфирию, учения Платона и Аристотеля не противоречат, но совпадают и дополняют друг друга. Ученик Прокла Марин называет тексты Аристотеля «малыми мистериями», т. е. вводным курсом к «большим мистериям» (Платону)²¹. Очевидно, что в связи с этим проектом по гармонизации Платона и Аристотеля неоплатониками создаются «подкорректированные» жизнеописания Аристотеля. По поводу последних К. Натали замечает, что они преисполнены хвалебными и лестными характеристиками Аристотеля, а сомнительные факты его жизни из них исключаются или ретушируются²².

В этой связи особый интерес для нас представляют три анонимных жизнеописания Аристотеля — *Vita Aristotelis Marciana*, *Vita Aristotelis Vulgata*, *Vita Aristotelis Latina*²³, поскольку именно в них приводится сюжет с «другом истины» и явственно прочитывается намерение авторов произвести его из платоновской почвы. Адо²⁴, Таран, Герлак обращают внимание на то, что во всех трех биографиях присутствуют цитаты как из платоновских диалогов («Федон», «Горгий» и др.), так и из аристотелевской «Никомаховой этики». Во всех трех биографиях в «друзьях истины» значатся и Сократ, и Платон, аристотелевская же версия афоризма рассматривается как восходящая к платоновской формулировке из «Федона».

Углубляясь в неоплатоническую версию платонического происхождения афоризма, Таран обращается²⁵ к еще более древним источникам, по которым, скорее всего, и были составлены все три аристотелевских жизнеописания: это тексты главы неоплатонической александрийской школы Аммония (сына

²¹ *Hadot I.* Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato. / *Studies in Platonism, Neoplatonism, and the Platonic Tradition* (Book 18) Brill: Leiden – Boston, 2015. P. 64–65.

²² *Natali C.* Aristotle: his life and school. Princeton University Press, 2013. P. 128–129.

²³ *Vita Marciana* и *Vita Vulgata* основаны на более ранних неоплатонических текстах. Таран возводит их к Олимпиодору и Аммонию Гермю. *Vita Latina* – вольный перевод греческого образца, сделанный ок. XIII в. Подробнее см. *Düring, I.* Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Goteborg, 1957. *Gigon, O. (ed.) Vita Aristotelis Marciana.* Berlin, 1962.

²⁴ *Hadot Op. cit.* P. 18.

²⁵ *Tarán Op. cit.* P. 105.

Гермия) и его учеников — Дамаския, Олимпиодора-младшего и Иоанна Филопона, а так же комментарии Элия (Давида), ученика Олимпиодора. Есть легкая ирония в том, что комментарии александрийских неоплатоников именно к этому фрагменту из «Федона» не сохранились. Однако в их комментариях на другие платоновские диалоги присутствуют ссылки и на «Федона». В частности, Олимпиодор в «Пролегоменах» и в комментарии на платоновского «Горгия» почти дословно цитирует «Федона»: «о Сократе следует думать мало, а об истине много»²⁶, «верить следует не Сократу, а истине», «о Сократе думайте мало, а об истине много»²⁷ и т. д. Таран предполагает, что частые отсылки к этому высказыванию Платона вызваны желанием Аммония или Олимпиодора продемонстрировать, что в вопросе об истине между Платоном и Аристотелем нет конфликта. Даже возражая Платону, Аристотель фактически постулирует то же, что и его учитель. Также Герлак и Таран утверждают, что из формулировок, приведенных в этих текстах, вырастает вариант «Socrates amicus...», который является не искажением, но основанием афоризма «Amicus Plato...».

Фрагменты о выборе между истиной и человеком во всех трех жизнеописаниях Аристотеля почти идентичны и следуют программе гармонизации учений Платона и Аристотеля, намеченной Аммонием и Олимпиодором. В *Vita Aristotelis Marciana* читаем: «(28) Мы скажем, что он (т. е. Аристотель. — *И. М.*) даже там, где высказывается против Платона, рассуждает, как Платон. Ведь это Платон говорит, чтобы мы мало думали о Сократе и много об истине... (31) и Аристотель по характеру своему был очень благоразумен, если и в «Категориях»..., и в (33) «Никомаховой этике» говорит: «друг мне человек, подруга истина, но поскольку они оба друзья, следует предпочесть истину»²⁸. В более поздней *Vita Aristotelis Vulgata* видим: «...следует сказать, что он высказывается не против Платона, но против тех, кто не понимает его учения. И даже если он высказывается против самого Платона, в этом нет ничего нелепого: ибо и в этом случае он мыслит в духе учения Платона. Ведь это его (Платона. — *И. М.*) рассуждение, что об истине надо мыслить больше, чем о чем-либо еще. Он буквально говорит: «О Сократе следует думать немного, а об истине много» («Федон», 91 с). Так же поступил и Аристотель. Даже если он отверг сказанное Платоном, он это сделал в согласии с ним, не желая упускать истину»²⁹. Наконец, в самом позднем по времени жизнеописании, *Vita Aristotelis Latina*, находим: «...следует сказать, что он высказывается не против Платона, а против тех, кто не понимает учения Платона. А если сам

²⁶ Σωκράτους μὲν ὀλίγον φροντιστέον, τῆς δὲ ἀληθείας πολὺ (*Olympiodorus Prolegomena*, p.10, 4-12 (Busse [CAG XII.1])).

²⁷ οὐ δεῖ γὰρ πιστεῦειν Σωκράτει ἀπλῶς, ἀλλὰ τῇ ἀληθείᾳ... Σωκράτους μὲν μηδὲ ὀλίγον φροντίσητε, τῆς ἀληθείας πολὺ (*Olympiodorus In Platonis Gorgiam commentaria*. 34, 3 (p. 175, 11-20) [Westerink]).

²⁸ (28) Ἦδη δὲ καὶ ἐν οἷς ἀντιλέγει Πλάτωνι πλατωνίζειν αὐτὸν φήσομεν. Πλάτων γὰρ ἐστὶν ὁ λέγων Σωκράτους μὲν ὀλίγον φροντίζειν, τῆς δὲ ἀληθείας πολὺ. ... (31) καὶ μάλα δ' ὁ Ἀριστοτέλης τὸ ἦθος μέτριος γέγονεν, εἰ ἐν μὲν ταῖς Κατηγορίαις φησὶ ... (33) καὶ ἐν τοῖς Ἠθικοῖς Νικομαχείοις: «φίλος μὲν ὁ ἀνὴρ, φίλη δ' ἡ ἀλήθεια· ἀμφοῖν δὲ φίλον ὄντων, ὅστιον προτιμᾶν τὴν ἀλήθειαν» (*Vita Aristotelis Marciana*. §28, 31, 33).

²⁹ *Vita Aristotelis Vulgata*. §§ 8–10 (*Düring I. Op.cit.* Pp. 132–133, 135).

он и противоречит Платону, то это не является странным. Ибо он разбирается в учении Платона. Это ведь рассуждение Платона — об истине заботиться больше, чем о ком-либо еще. Он буквально говорит: «хотя Сократ друг, но истина подруга в большей степени». И в другом месте: «О Сократе следует заботиться мало, а об истине много». Так же поступил Аристотель и [тем самым] уничтожил сказанное Платоном, хотя сделал это в согласии с ним, не желая упускать истину»³⁰.

И у Олимпиодора, и в анонимных жизнеописаниях Аристотеля можно отчетливо уловить специфику неоплатонической, примиряющей, интерпретации. Согласно ей, Аристотель выступает не столько против Платона, сколько против его последователей, догматически воспринимающих платоновское учение. Объекты критики, словно намекает Аристотель, «за деревьями не видят леса», воспринимая лишь букву учения, а не его подлинный смысл. Сам же он следует призыву Платона: о каждом думать столько, сколько каждый заслуживает — о человеке меньше, об истине больше. Если человек заблуждается, его соображения следует отвергнуть. Но если человек адекватно в своем учении излагает истинное положение вещей, это не повод отождествлять истину и ее носителя. Даже если слова Платона не расходятся с истиной, в ситуации выбора между ним и истиной предпочтение должно быть отдано истине. В такой перспективе Аристотель изображается неоплатониками как сумевший за всем очарованием личности Платона взять от него самое главное. Как и Платон в свое время научился этому же у Сократа.

Неоплатонические свидетельства и интерпретации кажутся Герлаку достаточно убедительными, чтобы рассматривать афоризм Аристотеля исключительно в платонической перспективе. Таран, с одной стороны, солидаризируется с А. Герлаком в том, что анонимные жизнеописания Аристотеля, а также лежащие в их основе тексты александрийских неоплатоников имеют прямое отношение к нашему афоризму, однако не соглашается с чисто «платоническим решением» этого вопроса. Таран тоже обращает внимание на тенденцию александрийского неоплатонизма — гармонизацию учений Платона и Аристотеля, но утверждает, что аристотелевский текстовый материал нельзя сбрасывать со счетов как самостоятельную величину. По его мнению, и Аммоний, и Олимпиодор, возводя рассуждения о приоритете истины к Платону, не упускают из поля зрения тексты Аристотеля. Что касается Иоанна Филопона и Элия, то они, несомненно, приводят близко к тексту фрагмент именно из «Никомаховой этики».

Филопон в своем трактате «О вечности мира» приводит афоризм в привычной нам формулировке: «Платон друг, но истину следует чтить больше»³¹. Это дает право Тарану предположить, что в таком случае формулировка «Plato amicus» по времени раньше, чем «Socrates amicus...» из *Vita Marciana* и *Vita Vulgata*, поскольку трактат Филопона «О вечности мира или против Прокла» написан ок. 529 г., т. е. раньше обеих анонимных биографий Аристотеля.

³⁰ Vita Aristotelis Latina. §§ 25–29, 33–33 b (*Düring I. Op. cit.* Pp. 154, 155).

³¹ φίλος μὲν Πλάτων, φίλτερά δὲ ἡ ἀλήθεια (*Philoponus De Aet. Mundi*, p. 144, 16–145, 1).

Элий цитирует и Платона («нужно меньше заботиться о Сократе и больше об истине»), и Аристотеля, непосредственно ссылаясь на «Никомахову этику» («Аристотель говорит в «Этике» — дорог человек и дорога истина, из них обоих должно предпочесть истину»³²). Таран, в отличие от Герлака, предполагает, что, скорее, безымянный автор *Vita Marciana* ориентировался на Элия, а не наоборот. Приведенные фрагменты из текстов Иоанна Филопона, Элия и жизнеописаний Аристотеля делают его возражение Герлаку довольно убедительным. Его позиция не только не лишает окончательно Аристотеля «права отцовства» на афоризм, но даже ее усиливает.

4

Тем не менее, с признанием авторства Платона остаются те же самые проблемы, что и в случае с Аристотелем. В формулировке «Сократ мне друг, но истина предпочтительна», к которой прибегают комментаторы-неоплатоники, этот афоризм не встречается и в платоновских диалогах. Это очевидно из приведенных ранее фрагментов Платона. Кроме того, совершенно очевидно, что основой формулировок афоризма с Сократом в главной роли вряд ли мог стать выразительный фрагмент из «Государства», чье сходство с вариантом Аристотеля так заметно. Но комментаторы-неоплатоники не вспоминают о нем, предпочитая цитировать фрагменты из «Федона», «Критона», псевдоплатоновского «Алкивиада 1», «Горгия» и др. Между тем нам нет оснований отказываться от версии, что Аристотель в «Никомаховой этике» подражает именно пассажи из «Государства». Также совершенно очевидно, что все эти фрагменты из платоновских диалогов складываются в целую проблему «Veritas contra Auctoritatem», образуя одно из общих мест платонизма с его вечными вопросами «Что есть истина?» и «Кто может (и может ли?) транслировать ее?» Если это так, то у всего этого комплекса проблем немного общего с частной проблемой (а может быть и личной травмой) Аристотеля как ученика Платона.

Наконец, если можно, игнорируя перечисленные сомнения и возражения, закрепить авторство за Платоном, то что мешает сделать это и в отношении более ранних авторов? По ироничному замечанию Тарана, истине со времен Парменида предписывается быть целью философов. В таком случае, у авторов пассажей об «убедительной истине»³³ и «вечно сущем логосе»³⁴, ничуть не

³² καὶ Σωκράτους μὲν ὀλίγον φροντιστέον τῆς δὲ ἀληθείας πολὺ ... φίλος μὲν ὁ ἀνὴρ φίλη δὲ καὶ ἡ ἀλήθεια· ἀμφοῖν δὲ φίλον ὄντων αἰρετέον μᾶλλον τὸ ἀληθές ... φίλος ὁ ἀνὴρ, φίλη δὲ καὶ ἡ ἀλήθεια, ἀμφοῖν δὲ φίλων προκεμένον φιλαίτερα ἡ ἀλήθεια (*Elias In Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categoriae commentaria*. Berlin, 1900. 121, 34–122, 5, 122, 34-123,1).

³³ Парменид противопоставляет единственно верное решение об истине, единственной и универсальной, многочисленным «мнениями смертных» (фр. 1.29-30. фр. 2. 50-52, фр.19. *Лебедев А.* Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989).

³⁴ У Гераклита можно увидеть критику и Гомера как авторитета и знатока истины (люди слушают и обманываются поэтами черни и не знают, как все на самом деле в соответствии с вечно сущим логосом), и всякого иного претендента на трансляцию истины (никто не доходит до правильного понимания, но требует следовать тому, что кажется именно ему). См. фр. 1(50), 2 (1), 130 (B104), 139 (108), 138 (28a) (*Лебедев А.* Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989).

меньше прав на отцовство по отношению к будущему афоризму, чем у Платона с Аристотелем. Последние же из авторов-соперников становятся лишь его трансляторами. В таком случае выпад Аристотеля можно рассматривать как демонстрацию того, что Аристотель следует более общей философской программе, а не ее частной, платоновской, версии. Он, безусловно, принимает правила игры Платона, сформулированные в «Протагоре», что рассуждать об истине нужно своими силами, не засоряя поле дискуссий чужими словами и их сомнительными интерпретациями. Более того, он уверен и в своих силах, и в своей правоте, а потому, как замечает И. Н. Мочалова, «считает, что может устраивать жесткие философские ревизии»³⁵. Следуя общей программе «истина и авторитет должны подвергнуться испытанию», Аристотель устанавливает свою, единственно верную версию, согласно которой, чтобы самому утвердиться в истине, излишне будет подвергнуть сомнению иные авторитеты. Что, как показывает ньютоновский вариант афоризма, не раз будет обращено и против самого Аристотеля.

5

Какова же роль Аристотеля в этой интригующей истории? Выступает Аристотель как насмешник-пародист, как критик и ревизор Платона или все-таки как его самый последовательный и преданный ученик? Мы полагаем, что аристотелевский пассаж из «Никомаховой этики» только на первый взгляд кажется иронической аллюзией на платоновское высказывание о Гомере, которое Платон вложил в уста Сократу в «Государстве» (595b9-c3). Однако оба фрагмента лишь внешне схожи в своем полемическом пафосе против учителей. Ни один из ранее приведенных фрагментов платоновских диалогов, в том числе и этот фрагмент из «Государства», никак не касается узкой проблемы — отношения между учителем и учеником. У Платона не было никаких оснований говорить, что истина ему дороже учителя, поскольку, в частности, такого спора у него со своим учителем не было, а в общем, как следует из его высказываний, проблемы выбора между человеком и истиной у него попросту не может возникнуть, ибо у истины нет и не может быть соперников. У истины, конечно, есть враги — софисты («Софист», 254a2), но также у нее есть друзья и проводники — те, кому она открывается: души тех людей, которые следуют богу и пытаются уподобиться ему («Федр», 248c), почитатели ума и знания, друзья бога («Тимей», 40de, 50b, 90bc), приверженцы справедливости («Теэтет», 176c). Авторитет их высок, но и он отступает перед важностью и величием самой истины. Почти в каждом из приведенных нами диалогов Платон предупреждает об опасности, которой, как мы сейчас видим, не сумела избежать современная философия, опасности отождествления, а затем и замещения истины авторитетом. В результате такого замещения свободный философский поиск завершается, ум занимается не созерцанием истины, но регистрацией чужих «мнений». Любовь к мудрости становится любовью к словам, причем чужим, а не своим. Именно поэтому Платон настоятельно рекомендует ученикам от речей «друзей истины» (он, как и Сократ, не

³⁵ Мочалова И. Н. *Op. cit.* С. 83.

исключение) подниматься к самой истине, не лениться испытывать и самих себя, и истину.

У Аристотеля же фиксация отношения «учитель-ученик» является отличительной чертой. Для него сложившаяся ситуация — принципиально спорная, это проблема выбора. Его связывают продолжительные и непростые отношения с учителем, а потому и выбор непрост. Как правило, в фрагменте «Никомаховой этики» вычитывают следующее развитие событий: Аристотель инициирует спор, кто ближе к истине, и принимает решение в свою пользу — он, а не Платон, друг и проводник истины. Сама манера его рассуждения часто рождает негативное отношение к разыгрываемой ситуации: за его невинными замечаниями и притворной неловкостью следуют точно направленные и очень болезненные «лягания» (Аристотель не просто так удостоился прозвища жеребенка, которому не помешала бы узда). Его оправдания, что он лишь следует *credo* своего учителя, кажутся неискренними. Складывается образ не почтительного, а неблагодарного ученика и провокатора.

Я считаю, что такое впечатление не совсем адекватно, а негативные суждения — поспешны и необоснованны. Аристотель ведет себя как ученик, которому нелегко сделать то, к чему подталкивает его учитель. Но он отваживается это сделать, понимая все возможные кривотолки, связанные с оценкой его поступка. Следовать учителю, как призывает делать Платон, значит поднять руку на его учение. Это, по Платону, необходимо сделать, чтобы избежать опасности отождествления «подлинных вещей» с мнениями о них. Аристотелю одному из немногих удается сохранить это хрупкий баланс между словами и «вещами», между доксографией и теорией. Для него история предшествующих учений остается средством для достижения цели — созерцания того, что есть поистине. Этот баланс требует серьезной жертвы — пересмотра и отказа от взглядов «дорогих и близких людей». Здесь Аристотель следует платоновской программе «истину чтить выше человека» и делает выбор, который дается ему труднее, чем это представляется на первый взгляд.

Кто же стоит за афоризмом «Amicus Plato...» — Платон или Аристотель? Как видно из экскурса в историю платоновских и неоплатонических текстов, оба варианта вероятны в равной степени. Разнообразие платоновских формулировок, нарочитое подражание Аристотеля Платону в «Никомаховой этике», настойчивая оптимистически-примиряющая позиция неоплатоников делают выбор более сложным. Окончательное решение зависит от того, как настроена оптика читателя. *Я склоняюсь к тому, что каноническая формулировка все же включает в себе отчетливо два смысла — утверждение приоритета истины перед авторитетом и необходимость совершить трудный выбор, отказавшись от «самого дорогого».* Поскольку в многочисленных высказываниях Платона второй комплекс проблем отсутствует, а у Аристотеля он выступает на первый план и придает болезненную остроту смыслу, который имеется и у Платона, это дает нам право считать, что основанием афоризма «Plato amicus sed magis amica veritas» является именно пассаж из «Никомаховой этики».

И. В. Макарова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Никомахова этика. Сочинения в четырех томах. Т. 4. Москва : Мысль, 1984.
2. *Диллон Д.* Наследники Платона. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2005.
3. *Лебедев А. В.* Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. Москва : Наука, 1989.
4. *Мочалова И. Н.* Аристотелевское прочтение Платона или была у Платона неписаная философия // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 3.
5. *Мочалова И. Н.* Метафизика ранней академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля // АКАДЕМЕИА. Материалы и исследования по истории платонизма / под ред. А. В. Цыба. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000.
6. *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1-4. Москва : Мысль, 1990-1994.
7. *Элиан Клавдий*. Пёстрые рассказы. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии Наук СССР, 1963.
8. *Busse A.* (ed.) *Eliae In Porphyrii Isagogen et Aristotelis Categorias commentaria* (CAG XVIII, 1). Berlin, 1900.
9. *Busse A.* (ed.) *Olympiodori Prolegomena et in Categorias Commentarium* (CAG XII.1). Berlin, 1902.
10. *Burnet J.* (ed.) *Platonis opera*. Vol. 1-5. Oxford: Clarendon Press, 1900 (repr. 1967).
11. *Bywater I.* (ed.) *Aristotelis Ethica Nicomachea*. Oxford: Oxford University Press, 1894.
12. *Düring I.* *Aristotle in the ancient biographical tradition*. Göteborg, 1957.
13. *Gadamer H.-G.* *Amicus Plato magis amica veritas* // *Griechesche Philosophie II. Gesammelte Werke*. Bd. 6. Tübingen: Mohr Siebeck, 1985.
14. *Gigon O.* (ed.) *Vita Aristotelis Marciana*. Berlin, 1962.
15. *Guerlac H.* *Amicus Plato and Other Friends* // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 39, No 4 (Oct. - Dec., 1978).
16. *Hadot I.* *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato / Studies in Platonism, Neoplatonism, and the Platonic Tradition* (Book 18). Brill: Leiden – Boston, 2015.
17. *Natali C.* *Aristotle: his life and school*. Princeton university Press, 2013.
18. *Rabe H.* (ed.) *Ioannes Philoponus. De Aeternitate Mundi contra Proclum*. Leipzig, Teubner, 1899.
19. *Tarán L.* «Amicus Plato sed magis amica veritas». From Plato and Aristotle to Cervantes // *Antike und Abendland*. Vol. 30, No 2. Berlin, 1984.
20. *Westerink L.G.* (ed.) *Olympiodorus. In Platonis Gorgiam commentaria*. Leipzig, 1970.